

ОБРАЗ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА В ПРАЗДНИЧНОМ «СЛОВЕ» ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

В числе 47 дошедших до нас праздничных «Слов» просветителя Георгия Конисского сохранились два произведения, посвященные широко почитаемому в народе святому – святителю Николаю Мирликийскому, именуемому Чудотворцем за множество чудес, зафиксированных в его житии и в народной фольклорно-легендарной традиции. Более ранней из сохранившихся проповедей Конисского является «Слово на день святителя Христова Николая», датированное 9 мая 1789 г., которому предпосылается эпитафия из Евангелия от Матфея «Жатва убо многа, делателей же мало» [Матф. 9, 37]. Памятную дату святителя Николая (празднуется день перенесения мощей святого из Мир Ликийских в Барград) Георгий Конисский использует как повод к разговору о более важных вопросах духовного строительства.

В рассматриваемом Слове проповедник стремится максимально глубоко и плодотворно раскрыть перед слушателями фразу из Евангельского чтения за Литургией, взятую в качестве эпитафия. Первую композиционную часть Слова Георгий строит как разъяснение притчевого смысла эпитафия, символики духовной жатвы. Открывается, что «нивы жатвенныя – народа множество есть; время жатвы, *плавь*, сиречь, созрелые класы есть хорошее расположение народа к приятию благовестия Евангельского; жатели – учителя суть, апостолы и их преемники, епископы и пресвитеры» [1. С. 308]. При этом оратор не ограничивается толкованием художественного текста, он идет дальше и сам создает величественную картину духовной жатвы, подробно, в образных выражениях, описывая особенности «класов», «орудия» и исключительную тяжесть и ответственность этого жатвенного труда. Изображение жатвы проповедник делает осязаемым и живым, поскольку сам видит перед собой «нивы плавь» – собравшихся в храме на службе христиан. Прямое олицетворение духовной нивы в облике слушателей делает Слово Георгия прочувствованным, непосредственно обращенным к каждому из них.

Большая часть Слова посвящена понятию о «серпе» жатвы – «глаголе Божием». Автор обращается к иллюстрациям из Нового завета, в частности, из посланий апостола Павла. Он подчеркивает многие особенности этого небывалого серпа, не отнимающего жизнь, а дающую ее в высшем, духовном смысле слова. Конисский сравнивает серп с ле-

карскими орудиями, «которые обрезают плоть гнилую, ядом и гангреною зараженную, дабы целые еще составы от заразы сохранить» [1. С. 309]. По мнению проповедника, такого серпа не боятся, но ожидают созревшие колосья, «пшеница духовная», стремящаяся попасть в «житницы небесные», чтобы насытить и возвеселить Бога, алчущего и жаждущего человеческого спасения. Создается целостная образно-символическая картина бытия, где Бог – хозяин пространства, земля – нива, святые и пресвитеры – делатели на ней, простые люди – колосья, а царство небесное – житница, полнота которой обещает пир и радость – торжество небесной христианской Церкви.

Путь к желанному и Творцом, и народом торжеству тяжел. Через ряд образных параллелей (параллелизм выступает доминирующим художественным приемом в Слове) Конисский раскрывает особенности «жатвенного труда», суть призвания пастырей. По слову Георгия, даже созревшие колосья, весьма расположенные к вниманию благовестия, требуют, чтобы учителя и наставники перед ними «нагибались», «почти ползая по земли, со всякою кротостию и молением и слезами наставляли их» [1. С. 310]. При этом жнущие должны быть готовы и к уколам «волчцов и терний», под которыми подразумеваются несогласие в вере и в нравах между людьми, и к «жатвенному зною» – гонениям и «озлоблениям» со стороны идолопоклонников, еретиков и «лжебратий», носящих имя христиан, но христиан преследующих (под этим именем Георгий подразумевал прежде всего католиков, преследования которых испытывал много лет, сражаясь за права православных белорусов и украинцев в Польше). Конисский описывает и странную способность самой пшеницы превращаться в «терние и волчец», чего не бывает в «естественной» жатве. Этим оратор подчеркивает, что превращение христианина доброго «или в еретика, или в безбожного, а наиболее беззаконника», целомудренного – в нечистого, правосудного – в лихоимца, человеколюбивого – в тирана является чем-то неестественным, не соответствующим законам бытия.

Приводя примеры уязвления жнущего, Конисский в центральной части проповеди обращается к фигуре Николая Мирликийского. Не ставя целью раскрыть перед слушателями подробности жизни святого, Георгий воспроизводит только лишь один, самый популярный и запоминающийся эпизод – спасение от гибели в блуде трех дочерей бедного горожанина посредством тайно подброшенных трех мешочков с деньгами. Образ «серпа спасения» получает здесь новое воплощение, являясь уже как реальный поступок земного человека, когда даже «узелцы злата» способны быть средством к спасению души.

Переход от абстракции к конкретике жизненных обстоятельств позволяет Конисскому начать разговор о «нынешних временах». Следующая композиционная часть Слова строится как нелицеприятное прямое обращение к православному священству. Георгий в свойственной ему пророческой манере простовато и откровенно обличает пороки духовенства, которое ищет приходы «пожирнее», вместо поучений дает людям «без разумения промеленную обедню» (новое преломление мотива жатвы, обработки зерна, «промола» неправедного), в трагических обстоятельствах смерти домогается «последней коровы и овцы» крестьянина.

Епископ с нескрываемым сокрушением сердца, с ярко выраженной эмоциональностью обращается к духовенству в ряде риторических вопросов, восклицаний. Он выражает боль за нерадивость священников, за их небрежность и, более того, преступную злонамеренность в отношении к делу духовного окормления паствы, заготовки зерна для небесной житницы Бога. Это позволяет ему с прискорбием повторить высказанный в начале Слова тезис об отсутствии делателей на богатой и созревшей ниве уже как доказанный вывод.

Единовременное, что остается Георгию в столь печальных размышлениях, обращаться к Богу с молитвою за пастырей и пасомых. Слово завершается традиционным для ораторской прозы Конисского высокоэмоциональным молитвенным возгласом, в котором проповедник призывает Иисуса Христа как главного жнеца собирать в свою житницу созревшие колосья, а равно и «устроить» «жателей», для которых «венцом похваления» должны стать спасенные ими души христиан.

Литература

1. Слова и речи Георгия Конисского, Архиепископа Могилевского. – Могилев-на-Днепре: Скоропечатня и Литогр. Я.Н. Подземского, 1892. – 469 с.